

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

UDC 930.26(470+571):685.228
LBC 63.48(2)-41

Submitted: 03.01.2022
Accepted: 15.04.2022

THE 1st – 3rd AD ESTIMATING FINDS IN THE FOREST-STEPPE SITES OF THE TOBOL AND IRTYSH RIVERS BASIN

Svetlana V. Sharapova

Institute of History and Archaeology Urals Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russian Federation;
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with artifacts found in the Iron Age kurgans over the Trans-Uralian and West Siberian forest-steppe, which might be referencing for chronology of the Sargat culture and late complexes emerging within area under study. Our emphasis is placed on the analyses of some belt and strap fittings. Meanwhile the novelty of undertaken research might be viewed less in general discussion of chronological aspects but it brings to light quite rare examples of metal belt buckles among the well-known collections. Such finds broad our knowledge on material culture of the forest-steppe population during the first centuries AD and allow the authors' assume on origin and time of appearance of buckles with flexile tongue as items of Roman patterns. At the same time one may presume that emergence of belt fittings with such construction over the vast territory, i.e. on the south of Eastern Europe on the one side and Central Asia and Siberia on the other side could occur irrespectively in general. In chronological aspect the introduction of buckles with flexile tongue into Asiatic territory of the steppe belt could have been no earlier than during the second half of the first century AD. Based on archaeological finds from the latest complexes the highest chronological edge of the Sargat culture might be considered as not beyond the mid of the third century AD. The early third century BC marks decline and stagnation of the culture, and archaeological sites with main, blatant features dated back to the mid of the third century AD are not found in the forest-steppe eastward the Urals. All available data testify to the fact that a relatively short-term lacuna divides archaeological materials of the early Iron Age and Great Folk Movement.

Key words: Early Iron Age, Trans-Uralian and West Siberian forest-steppe, Sargat culture, belt and strap fittings, chronology.

Citation. Sharapova S.V., Malashev V.Yu., 2022. Hronoindikatory I–III vv. n.e. iz lesostepnykh pamyatnikov Tobolo-Irtysh'ya [The 1st – 3rd AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtysh Rivers Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 171-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

УДК 930.26(470+571):685.228
ББК 63.48(2)-41

Дата поступления статьи: 03.01.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ХРОНОИНДИКАТОРЫ I–III вв. н.э. ИЗ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ

Светлана Владимировна Шаропова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация;
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются находки из курганов лесостепного Зауралья и Западной Сибири, показательные для оценки датировки древностей саргатской культуры и более поздних комплексов, формирующихся в ареале ее распространения и на ее основе. Акцент делается на анализ ременной гарнитуры. Новизну исследованию придает не столько обращение к вопросам хронологии, сколько выявление в известных коллекциях довольно редких экземпляров пряжек, позволяющих расширить наши представления о материальном мире лесостепного населения первых веков нашей эры и сформулировать гипотезу о времени и истоках появления пряжек с подвижным язычком на основе римских образцов. При этом предполагается, что процессы формирования данной конструкции ременных застежек на юге Восточной Европы с одной стороны и в Средней Азии и Сибири – с другой, происходили, в целом, независимо друг от друга. Появление пряжек с подвижным язычком в азиатском регионе можно отнести ко времени не ранее второй половины I в. до н.э. Рассмотрение находок из наиболее поздних комплексов позволяет говорить о верхней границе саргатской культуры, не выходящей за середину III в. н.э. Фиксирующееся в начале III в. н.э. угасание и размывание основных черт саргатской культуры приводит к тому, что после середины столетия в качестве целостного явления она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала. Допускаем, что от предшествующего времени лесостепные древности начала эпохи Великого переселения народов отделены небольшой временной лакуной.

Ключевые слова: ранний железный век, лесостепь Зауралья и Западной Сибири, саргатская культура, ременные гарнитуры, хронология.

Цитирование. Шаропова С. В., Малашев В. Ю., 2022. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

Несмотря на мозаичность археологической карты раннего железного века Тоболо-Иртышского междуречья, ведущую роль в формировании характерного облика материального мира в пределах обширного лесостепного пояса отводят носителям саргатской культуры. Период II в. до н.э. – II в. н.э. совпал с этапом расцвета в развитии культуры, в немалой степени вызванным расширением контактов обитателей лесостепи с оседлыми и кочевыми группами Евразии [Корякова, 1988, с. 165–167; Матвеева, 1993, с. 157–159; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 145–146; и т. д.]. Все исследователи древностей железного века единодушны, что этому времени соответствует самое большое число памятников. Тесное межкультурное взаимодействие – прямое и опосредованное – степняков с коллективами зауральско-западносибирского региона нашло отражение в археологическом материале, на что уже обращалось внимание [Корякова, Попова, 1987, с. 42–44; Ковригин и др., 2006, с. 200–202; Малашев, Мошкова, 2010, с. 49; Малашев, 2013, с. 156; и др.]. Антропологические и пока немногочисленные палеогенетические данные разных хронологических и локальных серий саргатской популяции лишь органично дополняют археологический контекст [Багашев, 2000; Ражев, 2009; Пилипенко и др., 2020; Шаропова и др., 2020; Слепцова, 2021; Bennett, Kaestle, 2010; и др.].

Между тем уже для начала III в. н.э. отмечается угасание и размывание основных черт этой культуры, во второй половине столетия в качестве целостного явления она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала [Шаропова, 2020, с. 229–230]. Небольшое количество известных памятников относительно предшествующего периода позволило говорить о депопуляции в основном ареале саргатских древностей на протяжении III–VIII/IX вв. н.э. [Matveeva, Zelenkov, 2021, p. 96]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что предшествующий этим событиям период I–III вв. н.э. характеризуют и устойчивые признаки саргатской культуры, и ее распад и трансформацию. Верхнюю границу маркируют как поздние саргатские комплексы, так и те, в которых сохраняется (порой в пределах одного памятника) не столь выразительный как прежде саргатский компонент. Важность археологического проявления тех далеких процессов делает актуальным рассмотрение категорий погребального инвентаря, распространение которых приходится на время от рубежа эр. Более того, данные новейших исследований культур железного века степного пояса позволяют уточнить временные рамки некоторых предметов и провести ревизию существующих датировок лесостепных древностей. В этом ключе наиболее выразительны те находки, которые опре-

деляют «саргатское» и «постсаргатское» время. Основу предпринятого исследования составили преимущественно предметы ременной гарнитуры, известные как по публикациям [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994; 2016; Культура зауральских скотоводов ... , 1997; и т. д.], так и привлеченные в ходе работы с неопубликованными материалами раскопок саргатских курганов [Могильников, 1968; 1977; Погодин, 1987; 1988; 1989; 1990]¹. В научной среде они традиционно рассматриваются в качестве хронологических индикаторов (например, [Малашев, 2000; 2007; 2013]).

Пряжки с подвижным язычком. Две ременные застёжки (рис. 1, 1, 2), имеющие дуговидной формы рамку, происходят из могильников Прииртышья [Погодин, 1988; 1990]. Подобных им предметов в памятниках Южной Сибири немного [Археология СССР ... , 1992, табл. 106, 3, 12, 70; Матренин, 2017, рис. 9, 12], но они имеют серию соответствий в европейских древностях. А.А. Труфановым отнесены к типу 1 («подковообразной» формы – [Труфанов, 2004, с. 160–162, рис. 1]). Данные пряжки восходят к римским образцам, о чем свидетельствует шарнирная конструкция оси язычка значительной части аналогий из некрополей Крыма [Труфанов, 2004, рис. 1; Пуздровский, 2007, рис. 25–IV, 2, 26–III, 3, 44, 12–14, 52, 11, 58, 13, 17]. Предложенная А.А. Труфановым датировка – вторая половина / конец I в. до н.э. – начало (до середины) I в. н.э.; при этом большая часть находок происходит из комплексов I в. до н.э. [Труфанов, 2004, с. 162, 168]. Хронологическая оценка, сделанная А.А. Труфановым, была несколько откорректирована В.В. Масякиным в сторону удреждения [Масякин, 2007, с. 130]. В типологии Р. Мадыды-Легутко подобные пряжки относятся к группе D: типы 13–26, близкие рассматриваемым примерам, в Центральной Европе характерны для времени не ранее ступени B₁ [Madyda-Legutko, 1986, s. 28–32, taf. 8, 9]. Исходя из атрибуции изделий с двухчастной рамкой (шарнирной конструкцией оси язычка), как связанных с римской традицией, морфологически близкие пряжки из Крыма и Волго-Донья, очевидно, являются их репликами². Таким образом, за пределами Крыма находки ранних образцов в европей-

ской степи представляют собой морфологические имитации, отличающиеся конструктивно. Учитывая, что преобладающая часть предметов, при этом почти исключительно с шарнирной конструкцией оси язычка, связана с Крымом, очевидно, что распространение данной разновидности пряжек у степного населения Восточной Европы происходит позднее и приходится на вторую половину I в. до н.э.; на Северном Кавказе подобная пряжка встречена в комплексе I в. н.э. Рассматриваемые образцы пряжек из памятников саргатской культуры могут иметь несколько более позднюю хронологическую оценку, связанную уже с I в. н.э.

Три пряжки из Прииртышья [Могильников, 1968; Погодин 1988; Археология СССР ... , 1992, табл. 124, 29] (рис. 1, 3–5) находят прямые соответствия в ременных застёжках, выделенных А.А. Труфановым в тип 2 («восьмерковидные»), датируемых от рубежа эр до середины I в. н.э. [Труфанов, 2004, с. 163–164, 168, рис. 2, 10–12] и восходящих к римским образцам. В центральноевропейских древностях им аналогичны застёжки типов 1, 2, 13, 14 группы А по Р. Мадыдо-Легутко, распространенные с финала предримского времени [Madyda-Legutko, 1986, s. 18–20, taf. 1, 2; Kostrzewski, 1955, gys. 653]. Известны имитации предметов данной формы на Северном Кавказе [Абрамова, 1993, рис. 58, 14] и в поволжской лесостепи [Гришаков, Зубов, 2009, рис. 25, 11–14; Зубов и др., 2011, рис. 9, 1, 3]. Им есть серия аналогий на территории Средней Азии [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XV, 9, XXXIII, 4–6] и Южной Сибири; последние представляют отдаленные имитации рассматриваемой формы [Археология СССР ... , 1992, табл. 81, 41; Матренин, 2017, рис. 9, 32, 33, 68, 11, 24, 13, 1]. Акцентируем внимание на высокой степени сходства пряжек из Богдановки (рис. 1, 3, 4), с одной стороны, и Тулхарского, Аруктауского, Бабашовского могильников – с другой [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XV, 9, XXXIII, 4–6; Археология СССР ... , 1992, табл. 124, 29]. Данное обстоятельство подразумевает появление подобных застёжек в саргатских комплексах непосредственно из Северной Бактрии, а именно наличие прямых контактов носителей саргатской культуры с древ-

ним населением южных районов Средней Азии.

Их отдаленными репликами можно считать пряжки из Сидоровки (кург. 1, погр. 2) (рис. 1,6,7) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 7,1,2]. Обратим внимание на крепление язычка к задней части рамки одной из застежек при наличии перекладины (рис. 1,6), что, видимо, говорит о механическом переносе подвижного язычка на местную форму пряжки и характеризует их как морфологические реплики.

Несколько отличаются от приведенных выше пряжки из саргатских курганов на Иртыше, Тоболе (рис. 1,8–11)³ [Погодин, 1988; 1989; Матвеева, 1993, рис. 10,12] и схожие образцы из Приишимья [Матвеева, 1994, рис. 14,6]. Форма рамок с поперечной перекладиной имеет прямые соответствия в среднеазиатской и южносибирской культурной среде на более ранних ременных застежках с выступом в передней части рамки [Археология СССР ... , 1992, табл. 43,11,13, 70,4,25, 75,74, 77,55,56, 94,60, 106,53, 124,47], что позволяет считать рассматриваемые саргатские пряжки результатом синтеза, то есть «гибридными» (местная форма с установленным на ней подвижным язычком). В частности, результатом этого явилось необычное крепление язычка к задней части рамки при наличии перекладины (рис. 1,6,11), а именно использование подвижного язычка на привычной форме пряжки. Саргатским образцам (рис. 1,8,9) [Погодин, 1988; Матвеева, 1993, рис. 10,12] близки пряжки из кургана 2 Орлатского могильника [Никаноров, Худяков, 1999, рис. 1,21], датированного в рамках I–II вв. н.э., и могильников Лявандакского и Кызылтепе [Археология СССР ... , 1992, табл. 42,55,58]. В качестве аналогий добавим схожие по форме рамки (но без перекладины) экземпляры из Южной Сибири [Археология СССР ... , 1992, табл. 81,33,39, 94,59, 106,4,20; Матренин, 2017, рис. 9,13, 10,6].

Пряжки из саргатских комплексов на Иртыше (рис. 1,12–14) [Погодин, 1988; 1989] и на Ишиме [Матвеева, 1994, рис. 29,2] вызывают отдаленные ассоциации (небольшой прогиб боковых сторон с расширенной и скругленной передней частью рамки) с рассмотренными выше застежками. Несколько парал-

лелей им есть в памятниках Южной Сибири [Археология СССР ... , 1992, табл. 94,57; Матренин, 2017, рис. 11,17,18]. Близкие по форме находки из Восточной Европы [Ильюков, Власкин, 1992, рис. 7,11, 14,3, 18,17,18; Максименко, 1998, рис. 63,2,3; Беспалый и др., 2007, табл. 18,5; Труфанов, 2004, рис. 2,5–9] относятся к среднесарматскому времени (I – первая половина II в. н.э.).

По всей видимости, рассмотренные выше разновидности пряжек (кроме дуговидных) можно считать производными от «восьмеркообразных» застежек, в той или иной степени отдаленных от исходных образцов или осложненных региональными особенностями и созданными в местной культурной среде.

Крупная железная пряжка с трапециевидной рамкой и двумя выступами в задней части (рис. 1,16) из Сидоровки (кург. 1, погр. 2) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 26,4] является результатом местного творчества, и, видимо, сочетает признаки двух разновидностей (рис. 1,12–14 и рис. 1,8,10,11).

Пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 2,1–9) [Погодин, 1987; 1988; 1989; Археология СССР ... , 1992, табл. 124,27], скорее всего, являются результатом изменения конструкции ременных застежек на местной основе под влиянием импортных образцов. Они известны в погребениях в пределах всего ареала саргатской культуры [Жорякова, 1988, рис. 20,10; Археология СССР ... , 1992, табл. 124,11; Матвеева, 1993, рис. 30,35; 1994, рис. 32,17; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 19,18; и др.] и хорошо представлены в памятниках Средней Азии и Южной Сибири [Мандельштам, 1966, табл. XLIII,2–5,7,9,10,16,18, LXIV,1,2; 1975, табл. XV,1, XXXI,3, XXXII,2; Археология СССР ... , 1992, табл. 46,2, 81,28, 94,58; Матренин, 2017, рис. 9,1,2,55, 10,1–3; и др.]. Подобные предметы распространены в Центральной Европе (где ременная гарнитура формировалась под сильным влиянием традиций Империи) с позднего предримского времени (группы С типов 13 и 14 – [Madyda-Legutko, 1986, s. 6–7, taf. 7]). В Восточной Европе пряжки с подвижным язычком, датированные ранее рубежа эр, есть на Северном Кавказе и в Крыму (например, [Керефов, 1985, рис. 8,4, 16,79, 17,1; Марченко, 1996, рис. 83,8; Пуздровский, 2007,

рис. 27–II, 8, 10, 51, 7]). Таким образом, появление данных застежек в памятниках европейских степей, Северного Кавказа, а также Средней Азии относится, видимо, ко второй половине I в. до н.э., а широкое распространение приходится на время позже рубежа эр. Прииртышская пряжка (рис. 2, 10) [Погодин, 1988] отличается рамкой, близкой к овальной, и уплощенностью задней части, что сближает ее с предметами второй половины II – первой половины III в. н.э.

Подводя итог, можно сказать, что для азиатских степей, Средней Азии и Южной Сибири конструкция ременных застежек с подвижным язычком является привнесенной и связана в конечном счете с римскими традициями. Широкое распространение подобных изделий приходится на первые века нашей эры. Касательно вопроса их нижней хронологической границы необходимо сказать, что хронология погребальных памятников азиатских степей, Средней Азии и Южной Сибири последних веков до н.э. – IV в. н.э. пока «оторвана» от соответствий в синхронных древностях юга Восточной Европы⁴, что приводит к неточным выводам в ее оценке.

Вопрос о пути попадания римских пряжек (или их реплик) к населению азиатских территорий и формирование на их основе серии местных подражаний, помимо контактов с носителями культур юга Восточной Европы, может иметь и другое решение. По информации А.И. Торгоева, в 2001 г. на обсуждении диссертации Н.Н. Николаева М.Б. Щукин высказал гипотезу, что генезис пряжек с удлинённой восьмерковидной рамкой и подвижным язычком, а также ряд других типов ременных застежек с подвижным язычком восходят к римским прототипам⁵. По его мнению, прототипы местных пряжек с подвижным язычком попали в Среднюю Азию после битвы при Карах (53 г. до н.э.). Разгром армии Красса (около 20 тыс. безвозвратных потерь и около 10 тыс. пленных) дал богатые трофеи [Щукин, 1994, с. 168–169], доставшиеся победителям. Это ставит вопрос о распространении в среднеазиатском регионе со второй половины I в. до н.э. как оригинальных образцов, так и их имитаций.

До этих событий и несколько позже в культурах Средней Азии и Южной Сибири

традиционно использовался другой по конструкции пояс – с двумя противостоящими бляхами, одна из которых имела выступ, другая – проем (например, курган 2 Орлатского могильника, пояса культуры хунну). Подобные пояса в европейские степи попадают в среднесарматское время (Косика, погр. 1; Первомайский VII, кург. 14, погр. 3; Пороги, кург. 2, погр. 1). Еще более массовыми до рубежа эр были пояса с использованием одной металлической пряжки (разных форм) с выступом.

Процитируем ряд наблюдений А.И. Торгоева по данному вопросу. Наиболее ранние пряжки с подвижным язычком (обычно с кольцевой рамкой) входят в состав комплексов могильников Бишкентской долины, где существуют с поясами местной традиции [Мандельштам, 1966, табл. XLI, 15–17, XLII, 1–8]. Из данных некрополей также происходит серия латунных застежек «восьмерковидной» формы [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XV, 9, XXXIII, 4–6]. Для курганных могильников Северной Бактрии (Тулхарский, Аруктауский, Бабашовский) внутренняя хронология не разработана, но комплексы, содержащие пряжки с подвижным язычком, выглядят более поздними, чем захоронения, где обнаружены пояса местной традиции. Та же ситуация фиксируется в курганах Бухарского Сога. В Южной Сибири образцы с подвижным язычком появляются из Средней Азии. Показательно, что химический состав пряжек «лировидной» формы из суннуских памятников свидетельствует об их изготовлении в бактрийских центрах [Миняев, 1976, с. 109–110].

Подкрепляя предположение о формировании облика ранних ременных гарнитур на основе римских образцов, отметим соответствия других морфологически близких застежек, встреченных в памятниках Центральной Европы [Madyda-Legutko, 1986, taf. 2, 8–10, 12, 3, 15–18; Труфанов, 2004, рис. 3, 1–3; Малашев, 2007, рис. 1, 13, 14, 16], Восточной Европы [Абрамова, 1993, рис. 58, 13, 15; Ильюков, Власкин, 1992, рис. 22, 29; Труфанов, 2004, рис. 3, 5–10, 4; Пуздровский, 2007, рис. 96, 3, 4, 6–14; Малашев, 2007, рис. 1, 15; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 25, 24, 25], а также Средней Азии и Южной Сибири [Подушкин, 2015, рис. 1, 6; Матренин, 2017, рис. 9, 14, 15, 34, 36–40, 63, 11, 28, 29, 13, 2–4].

Таким образом, принимая гипотезу о генезисе пряжек с подвижным язычком на основании римских прототипов, можно сделать следующий вывод. Наиболее ранние образцы ремненных застежек на территории Средней Азии и Южной Сибири, включая ареал саргатской культуры, могли появиться не ранее второй половины I в. до н.э., а широкое распространение данной конструкции, вероятно, относится к первым векам н.э. Кроме того, также можно предположить независимое формирование пряжек с подвижным язычком на основе римских образцов на территории юга Восточной Европы с одной стороны и Средней Азии – с другой. Появление пряжек с подвижным язычком в Восточной Европе является в первую очередь результатом римских влияний, происходивших через Крым и Подунавье, и лишь часть изделий такой конструкции можно считать восточными по происхождению [Ильюков, Власкин, 1992, рис. 23,10, 42,13].

Ложечковидные наконечники-подвески (иногда называемые застежками) относятся к ремненной гарнитуре (рис. 2,16–18) [Археология СССР ... , 1992, табл. 124,23; Матвеева, 1993, рис. 10,15; 1994, рис. 58,21]. Прииртышская серия может быть дополнена находками в могильниках Исаковка 1 [Погодин, 1989] и Сидоровка (кург. 2, погр. 3 и кург. 3, погр. 3) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 36,11, 53,6]. Бронзовая подвеска с рельефным декором обнаружена на востоке саргатского ареала (Марково 1, кург. 24, погр. 2 [Полосьмак, 1987, рис. 37,7]). Происхождением связаны с древностями сунну и культур, находившихся в зоне их влияния. Для Забайкалья и Монголии неизвестны комплексы, в которых эти предметы датируются ранее II в. до н.э. [Давыдова, 1985, с. 50; Археология СССР ... , 1992, табл. 106,72,73; Миняев, 2007, рис. 18,31–34]. Синхронно ложечковидные наконечники появляются в памятниках Тувы [Семенов, 2003, с. 76–78], Минусинской котловины [Савинов, 2009, с. 78] и Алтая [Матренин, 2017, рис. 19,5–7, 21–26], тогда же попадают в Среднюю Азию [Мандельштам, 1966, табл. XLV,12,13] и Восточную Европу.

У населения европейских степей данные предметы появляются во II в. до н.э. [Скрипкин, 2010, с. 205–206, рис. 5,12–16; Глебов, 2009, с. 102, рис. 49,12–21] и используются в сред-

несарматское время вплоть до середины II в. н.э. [Абрамова, 1987, рис. 8,20, 45,12,13; Ильюков, Власкин, 1992, рис. 30,20; Максименко, 1998, рис. 20,6; Пуздровский, 2007, рис. 91,1,2, 104,II]. Наконечники из погребения 8 кургана А могильника Богдановка 2 и погребения 3 кургана 5 Савиновского могильника (рис. 2,13,14,17), судя по пряжкам (рис. 1,8 и 2,9), относятся, скорее всего, к I в. н.э.

В саргатских могильниках находки ложечковидных наконечников-подвесок представлены как бронзовыми, так и железными экземплярами (иногда в одном комплексе, например, Исаковка 1, кург. 3, погр. 6) с рельефными зооморфными изображениями и без орнамента; при этом декорированы как бронзовый (Марково 1, кург. 24, погр. 2 [Полосьмак, 1987, рис. 37,7]), так и железный (Исаковка 1, кург. 3, погр. 6 [Погодин, 1989]) предметы. В памятниках западных районов саргатской культуры – на Ишиме и в Притоболье – известные образцы ложечковидных подвесок не имеют зооморфный орнамент. Впрочем, их небольшое количество позволяет только привести данное наблюдение, любые утверждения на имеющемся материале преждевременны.

Одночастные наконечники-подвески с прорезью в верхней части (рис. 2,11–15) происходят из разрушенных погребений могильников Савиновский (кург. 5, погр. 3) и Гаевский 1 (кург. 7, погр. 3) в Притоболье, Абатский 3 (кург. 1, погр. 5) на Ишиме [Матвеева, 1993, с. 24, рис. 10,3,14; 1994, с. 53, рис. 30,39; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 45, рис. 28,3,4]. В погребениях восточной части ареала саргатской культуры подобные предметы представлены парой золотых экземпляров в могильнике Исаковка 1 [Погодин, 1989]. Наконечники ремней без металлического зажима с прорезью в верхней части в европейских степях встречаются в комплексах среднесарматской культуры [Симоненко, Лобай, 1991, рис. 11,3,4, 27,1,3–6, с. 52 (там же содержится сводка находок); Ильюков, Власкин, 1992, рис. 13,5, 20,9, 23,11]. Допускаем, что наиболее ранним для европейских памятников является наконечник из кургана 1 середины – второй половины I в. до н.э. у Зубовского хутора [Гущина, Засецкая, 1989, с. 87, табл. XI,133], но есть основания

для омоложения даты до начала I в. н.э. Данные предметы известны в памятниках Средней Азии и Южной Сибири [Сарианиди, 1989, рис. 37,2; Никаноров, Худяков, 1999, рис. 1,10; Мандельштам, 1975, табл. XXXIII,7; Археология СССР ... , 1992, табл. 106,8; Коновалов, 1976, табл. XIV,1–14; Матренин, 2017, рис. 19,1,2]. Появившись у населения азиатской части степного пояса, они получают распространение в воинском снаряжении кочевников восточноевропейских степей начиная с I в. н.э., и в таком виде доживают до середины II в. н.э., когда начинается использование металлических зажимов [Малашев, Яблонский, 2008, с. 56–57; Малашев, 2000, с. 209]. Одними из наиболее ранних являются наконечники из Прииртышья. Их датировка определяется по найденным в том же погребальном комплексе (см. выше) пряжке (рис. 2,8) и северокавказскому керамическому импорту, находки которого имеют массовые аналогии как в памятниках III–I вв. до н.э. оседлого и кочевого населения Северного Кавказа, так и восточноевропейской степи, а после рубежа эр практически неизвестны [Малашев, Маслов, 2021] ⁶.

Бронзовый наконечник ремня из кургана 1 погребения 3 Ипкульского могильника [Корякова, 1988, с. 77, рис. 20,7] наряду с другими выразительными предметами сопроводительного инвентаря (железные пряжки с подвижным язычком и длинный меч с обоюдоострым лезвием без навершия и перекрестья, костяные наконечники стрел ромбического сечения [Корякова, 1993, с. 63, рис. 8,29–31]), как правило, привлекается для характеристики комплекса материальной культуры позднесаргатского этапа с датировкой IV–V вв. н.э. [Корякова, 1988, с. 86–88, рис. 20; 1993, с. 51–52, рис. 8; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 152–154, рис. 34]. Его атрибуция осложняется скупостью описания конструкции, а также качеством фотографии в отчете [Корякова, 1984, рис. 77, 79, 80] и рисунка в публикациях ⁷. Предположительно его можно соотнести с одночастными наконечниками-подвесками типа Н3а по В.Ю. Малашеву (но без фасетировки) с датировкой от второй половины II до второй половины (без финала столетия) III в. н.э. [Малашев, 2000, рис. 2, с. 197; 2013, с. 82].

В составе **сбруйных наборов** выделяются железные удила с крупными кольцами (рис. 3,1–3). Л.Н. Корякова считала, что в саргатских погребениях они сопровождалась предметами I в. до н.э. – IV в. н.э. [1988, с. 70]. На материалах Приишимья Н.П. Матвеева включила их в характерные признаки поздних саргатских памятников [1994, с. 111].

В саргатской культуре в целом были распространены удила простейшей конструкции без зажимов и диаметром колец до 4 см (например, Ипкульский, кург. 1, из насыпи; Абатский 1, кург. 3, погр. 10; Абатский 3, кург. 6, из бровки) [Корякова, 1988, рис. 20,4; Матвеева, 1994, рис. 10,1, 54,1,11]. В Прииртышье фрагмент железного кольца большого диаметра (от удил?) происходит из погребения 7 кургана 2 могильника Исаковка 3 [Погодин, Труфанов, 1991, рис. 12,21]. Датировка памятника концом III – началом I в. до н.э. авторами явно занижена [Погодин, Труфанов, 1991, с. 125], но и фрагментарность изделия не позволяет надежно атрибутировать находку.

В двух случаях удила отличаются кольцами большего диаметра (5–6 см), происходят из впускных захоронений в курганах Прииртышья (Богдановка 1, кург. 1, погр. 5 и Богдановка 2, кург. 2, погр. 2) [Могильников, 1968; 1977; Археология СССР ... , 1992, табл. 123,1,13]. Им аналогична находка в позднем погребении 8 кургана 6 Абатского 3 могильника на Ишиме (рис. 3,2) [Матвеева, 1994, рис. 57,2, с. 99–100].

Особый интерес представляют экземпляры, имеющие, кроме большего диаметра, дополнительные детали для крепления ремня поводьев в виде зажимов или прямоугольной петли (рис. 3,1,3). Они обнаружены в поздних комплексах Гаевского 1 могильника (кург. 6, погр. 1 и 2) [Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 18,20, 19,21], в которых отмечены признаки позднесарматской культуры Южного Приуралья [Шаропова и др., 2020]. Обращает на себя внимание крепление зажима или прямоугольной петли не к кольцу, а к окончанию грызл. В синхронных памятниках европейской части степи и прилегающих территорий (Северный Кавказ, Крым, лесостепная и лесная зоны Волго-Уралья) конструкция удил с кольчатым трензелем выглядит иначе: зажимы, относящиеся к ремням оголо-

вья и повода, крепятся непосредственно к кольцу. Исключением являются удила с колесовидными псалиями серии 1 по И.Р. Ахмедову, где два металлических зажима крепятся к окончаниям грызл [Akhmedov, 2007, p. 68, pl. 56.8]. Скорее всего, на образцах саргатских удил Гаевского 1 могильника металлические зажимы или пеглы служили для крепления ремней оголовья, а ремень повода соединялся непосредственно с кольцами. Учитывая данную специфику конструкции удил с кольчатым трензелем, их можно считать самостоятельным вариантом, диагностирующим локальную традицию. В комплексах других саргатских памятников подобные образцы неизвестны.

Двусоставные удила с кольчатым трензелем появляются в среднесарматское время [Абрамова, 1987, рис. 8,28, 20,5; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 40,367; Пуздровский, 2007, рис. 101, 102, III], когда доминируют другие разновидности узды [Глухов, 2005, рис. 27–31; Симоненко, 2010, с. 151–169]. При этом использование небольших дополнительных колец, крепящихся к окончанию грызл, на удилах со строгими насадками и другими типами псалиев начинается в более раннее время [Симоненко, 2010, рис. 122, 123, I, 124, I, 129, I, 130, 5, 132, 2, 134, I, 2, 163a]. Широкое распространение удила с кольчатым трензелем получают в позднесарматское время. Использовались как кольца с металлическими зажимами (для крепления ремней повода и оголовья), так и без них. Крупные кольца (диаметром от 8 см) часто встречаются начиная с III в. н.э. на территории к востоку от Волги [Малашев, Яблонский, 2008, с. 50], но при этом известны и более ранние экземпляры из Крыма [Пуздровский, 2007, рис. 101, VI; Симоненко, 2010, рис. 126].

Следующая группа вещей, преимущественно ременных гарнитур, маркирует постсаргатские древности и дает возможность оценить верхнюю хронологическую границу культуры Тобола-Иртышья. Рассмотрим их.

Едва ли не единственная пока находка **фибулы** (рис. 3,16) в лесостепном Зауралье происходит из могильника Устюг-1 (кург. 14, погр. 2) [Матвеева, 2016, рис. 16,18]. Одночленная пружинная застежка (7 см) с завитком на конце сплошного пластинчатого при-

емника и коленчато изогнутой спинкой с зигзагообразным орнаментом атрибутируется как группа 13, вариант 8 по А.К. Амброзу [1966, с. 46]. В настоящее время их датировка может рассматриваться в рамках III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 62; Кропотов, 2010, с. 204; Малашев, 2013, с. 106]. Н.П. Матвеева датировала находку концом III – началом IV в. н.э., определив этот интервал и для существования всего некрополя среди древностей бакальской культуры [Матвеева, 2016, с. 177–185; Matveeva, Zelenkov, 2021, p. 103].

Полюе **серьги** калачевидной формы, декорированные вставками, аналогичные рассматриваемой (рис. 3,17) [Матвеева, 2016, рис. 53,3], появляются в волго-уральских степях в первой половине III в. н.э. Большая часть находок происходит из комплексов середины – второй половины III в. н.э. [Малашев, 2013, с. 111–112].

Показательными для оценки хронологии погребения 3 кургана 4 Ипкульского могильника являются **пряжки** и **наконечники ремней** [Чикунова, 2017, рис. 3, В, Л, Н]. Три пряжки (рис. 3,9,12,13) с овальной рамкой, слегка уплощенной в задней части и незначительно утолщенной в передней, округлым щитком с загнутыми краями, имитирующими фасетировку, и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не достигающим в передней части до середины сечения рамки, соотносятся с ременными застежками П2б и датируются в основном первой половиной – серединой III в. н.э., но встречаются и во второй половине столетия [Малашев, 2000, с. 196, 209, рис. 1, 2; 2013, с. 61]. Двухчастные наконечники-подвески с округлым расширением в нижней части Н5 (рис. 3,18,19) появляются в середине III в. н.э., наиболее распространены во второй половине столетия (включая ранний IV в. н.э.) и характерны для памятников южноуральской степи и волго-уральской лесостепи [Малашев, 2000, с. 197, 210, рис. 1, 2; 2013, с. 81]. На данную региональную специфику также указывает трапециевидная форма зажима с округлым расширением на конце одного из предметов, встречающаяся как у пряжек, так и у наконечников ремней [Малашев, 2014, рис. 4,4–6,11, 5]. В целом ременные гарнитуры данного комплекса датируются в рамках середины – второй половины (без

финала) III в. н.э. и стилистически связаны с кругом древностей Южного Приуралья.

Две пряжки из грунтового погребения селища Дуванское 2 (рис. 3,10,11) [Корякова, 1980], которые можно отнести к типу П2а по В.Ю. Малашеву [Малашев, 2000, с. 195, рис. 1, 2], занимают, видимо, несколько более позднюю хронологическую позицию, чем разновидность П2б, отличаясь от них отсутствием фасетировки и загнутых краев щитка, и используются во второй половине III в. н.э., исключая его финал. Пряжки с овальной, утолщенной в передней части рамкой и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не доходящим в передней части до середины сечения рамки (рис. 3,4,5) [Матвеева, 2016, рис. 26,6,10], характерны для комплексов большей части III в. н.э. (см. П2а).

Пряжка из погребения 1 кургана 25 Ипкульского могильника (рис. 3,8) по форме рамки и язычка близка рассмотренным выше застежкам. Ее хронологическая оценка может рассматриваться в пределах III в. н.э., но без финала столетия.

Пряжки с прямоугольным щитком и выраженным утолщением в передней части рамки (рис. 3,14) [Матвеева, 2016, рис. 29,3], а также с трапециевидным щитком с фасетированными или загнутыми краями, выраженным утолщением в передней части рамки и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не доходящим в передней части до середины ее сечения (рис. 3,15) [Матвеева, 2016, рис. 44,7], датируются преимущественно первой половиной – серединой III в. н.э., заходя во вторую половину столетия [Малашев, 2013, с. 60, 62].

Две пряжки из Ипкульского могильника (кург. 5, погр. 1) (рис. 3,6,7) [Чикунова, 2017, рис. 4,Б] имеют рамки с выраженным утолщением в передней части и язычки с незначительным прогибом и рельефным выступом у основания. Язычок одной из пряжек доходит до середины сечения рамки (рис. 3,7). Сочетание перечисленных признаков, в первую очередь уступов у основания язычка, указывает на время не ранее середины III в. н.э. [Малашев, 2014, с. 136, 139], а большая длина язычка второй пряжки соотносит ее уже с пряжками типа П10 по В.Ю. Малашеву с датировкой от первой четверти / трети IV в. н.э.

[Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2]. На востоке лесостепного ареала, в могильнике Старый Сад (кург. 27, погр. 2) [Полосьмак, 1987, рис. 22,5], встречена сильно деформированная пряжка, соотносящаяся с застежками, датируемыми не ранее III в. н.э. Исследованные в данном некрополе курганы 19, 27, 33 демонстрируют разнокультурные компоненты⁸.

Приведенные категории погребального инвентаря можно отнести к наиболее информативным, они позволяют сделать некоторые выводы относительно хронологии древностей саргатской культуры и вне ее пространственно-временного контекста. Прежде всего, в коллекциях саргатских могильников отсутствуют предметы, начало распространения которых приходится на III в. н.э. Между тем они обнаружены в некоторых памятниках региона (например, могильники Ипкульский [Чикунова, 2017], Устюг-1, Ревда 5 [Матвеева, 2016]), где наряду с саргатскими признаками присутствуют традиции «постсаргатского» времени. От предшествующей саргатской культуры лесостепные древности начала эпохи Великого переселения народов отделены небольшой временной лакуной⁹. С одной стороны, это может трактоваться как проблема переходных эпох, когда периоды становления и/или трансформации культур археологически фиксируются хуже. С другой – не исключает довольно резкого исчезновения выразительных признаков, определявших облик саргатской культуры. Ранее уже отмечалось, что в слоях и объектах изученных раскопками саргатских поселений нет материала этой культуры позже II в. н.э. [Корякова, 1988, с. 89; Археология СССР ... , 1992, с. 296–297; и др.]. На востоке северная кромка лесостепи Среднего Прииртышья и Барабы в конце II – III в. н.э. была занята таежными группами населения кулайской культуры [Зыков, 2012, с. 34–35]. Необходимо отметить, что Барабинская лесостепь ранее других районов саргатской культуры демонстрирует признаки угасания культуры. Здесь саргатские памятники, датированные позже I в. н.э., отсутствуют [Полосьмак, 1987, с. 91, 95].

Датировка ременной гарнитуры из саргатских погребений не выходит за середину III в. н.э. Немногочисленные саргатские комплексы II – середины III в. н.э. связаны с па-

мятниками, рассеянными по северной и южной границам основного ареала распространения культуры [Шарапова, 2020, с. 229]. Это не позволяет признать в качестве верхней хронологической границы диапазон III–IV вв. н.э. или IV–V вв. н.э., как предлагалось ранее (например, [Корякова, 1988, с. 169; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 152–154; Матвеева, 2000, с. 125–126; 2017, с. 16; и др.]). Распад культуры, пришедшийся на середину III в. н.э., вызванный различными факторами – среди которых по частоте высказываний выделяются политические и экологические (например, [Корякова, 1988, с. 168–169; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 154; Матвеева, 2017, с. 15–16; Матвеева и др., 2021, с. 152, 154]), – сопровождался перемещениями в степные и подтаежные районы групп населения разного происхождения. В новых условиях их развитие происходило под влиянием местных коллективов, в частности лесных, что нашло отражение в материалах Ипкульского могильника, содержащего как комплексы заключительного этапа саргатской культуры, так и те, что со временем сформировали материальный мир и традиции зауральско-западносибирского населения последующей эпохи. Как следствие, в регионе вплоть до конца VIII в. н.э. реконструируется высокая динамичность процессов культурогенеза и отсутствие единства в среде разнородных социумов [Матвеева и др., 2021, с. 157].

Важно подчеркнуть, что рассмотренные здесь металлические предметы численно уступают иным массовым находкам из лесостепных поселений и могильников, однако об их хронологической оторванности от евразийского контекста говорить не приходится.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают благодарность А.Я. Труфанову за помощь в работе с неопубликованными материалами саргатских могильников Среднего Прииртышья из архива Л.И. Погодина (рисунки Я.В. Смертиной), И.О. Гавритухину, В.В. Кропотову, А.И. Торгоеву и И.Ю. Чикуновой за консультации.

² У бронзовой пряжки из погребения 12 кургана 20 могильника Политотдельское окончания

рамки были спирально загнуты на ее лицевую сторону, образуя петли для крепления оси язычка [Смирнов, 1959, рис. 32, 12]; железная пряжка из комплекса кургана 4 погребения 32 могильника Койсуг имела похожую конструкцию, но окончания рамки были загнуты на ее обратную сторону [Глебов, 2009, рис. 49, 2]. Особенности этих пряжек находят соответствия у центральноевропейских застежек группы D типа 24, появление которых там относится к ступени B1 [Madyda-Legutko, 1986, s. 31, taf. 11]. Язычок застежки из Тавельских курганов обернут вокруг задней части рамки, изготовленной из согнутого тонкого стержня, концы которого соединены внахлест [Пуздровский, 2007, рис. 44, 15]. Имитацией конструкции является и пряжка из комплекса I в. н.э. погребения 9 Подкумского могильника [Абрамова, 1987, рис. 17, 3].

³ Пряжка на рисунке 1, 15, судя по углублению на широкой перекладине, имела утраченный язычок.

⁴ Например, разброс мнений о датировке кургана 2 Орлатского могильника и могильников Бишкентской долины; распределение показательных находок в томе «Археология СССР», где, в частности, пряжка со щитком, характерным для времени не ранее финала III – начала IV в. н.э. [Археология СССР ... , 1992, табл. 106, 1], оказалась среди вещей II в. до н.э. – I в. н.э.; вопрос о хронологии ременных гарнитур см. также: [Малашев, 2007, с. 119].

⁵ По сообщению С.В. Воронятова, данная гипотеза неоднократно озвучивалась М.Б. Щукиным на лекциях.

⁶ С учетом предметов ременной гарнитуры и северокавказского кувшина хронологическая позиция погребения 6 кургана 3 могильника Исаковка 1 может рассматриваться около рубежа эр.

⁷ К сожалению, попытка обращения к коллекции Ипкульского могильника в фондах Археологического музея УрФУ не увенчалась успехом: часть полученных в ходе раскопок 1984 г. находок уже в марте 1985 г. была передана в Тюменский краеведческий музей, а оттуда в экспозицию музея-заповедника на Андреевском озере. Однако в актах передачи эта находка не значится, как нет ее и в фондах Археологического музея УрФУ. Пользуясь случаем, авторы выражают свою признательность хранителю фондов Археологического музея УрФУ Н.К. Стефановой за помощь в работе с материалами Ипкульского могильника.

⁸ Обряд (широкая, почти квадратной формы могильная яма, западная ориентировка погребенного) и инвентарь (среди которого сосуды позднего этапа кулайской культуры III – первой половины IV в. н.э. [Зыков, 2012, с. 34]) не позволяют согла-

ситься с включением этого комплекса (кург. 27, погр. 2) в состав древностей позднего этапа саргатской культуры и датировкой I в. н.э. [Полосьмак, 1987, с. 90]. Впрочем, представленные в публикации находки из курганов 19 и 33 [Полосьмак, 1987, рис. 67, 68] также несут в себе черты таежных и лесостепных традиций, но могут рассматриваться более ранними, нежели погребение 2 в кургане 27,

что было отмечено Н.В. Полосьмак [Полосьмак, 1987, с. 89–90].

⁹ Косвенное подтверждение гипотеза авторов данной статьи находит в предложенной характеристике культурной ситуации в зауральско-западно-сибирской лесостепи на рубеже III–IV вв. н.э. и определении финала саргатской культуры (ср.: [Матвеева, 2017, с. 16; Матвеева и др., 2021, с. 157]).

ПРИЛОЖЕНИЯ

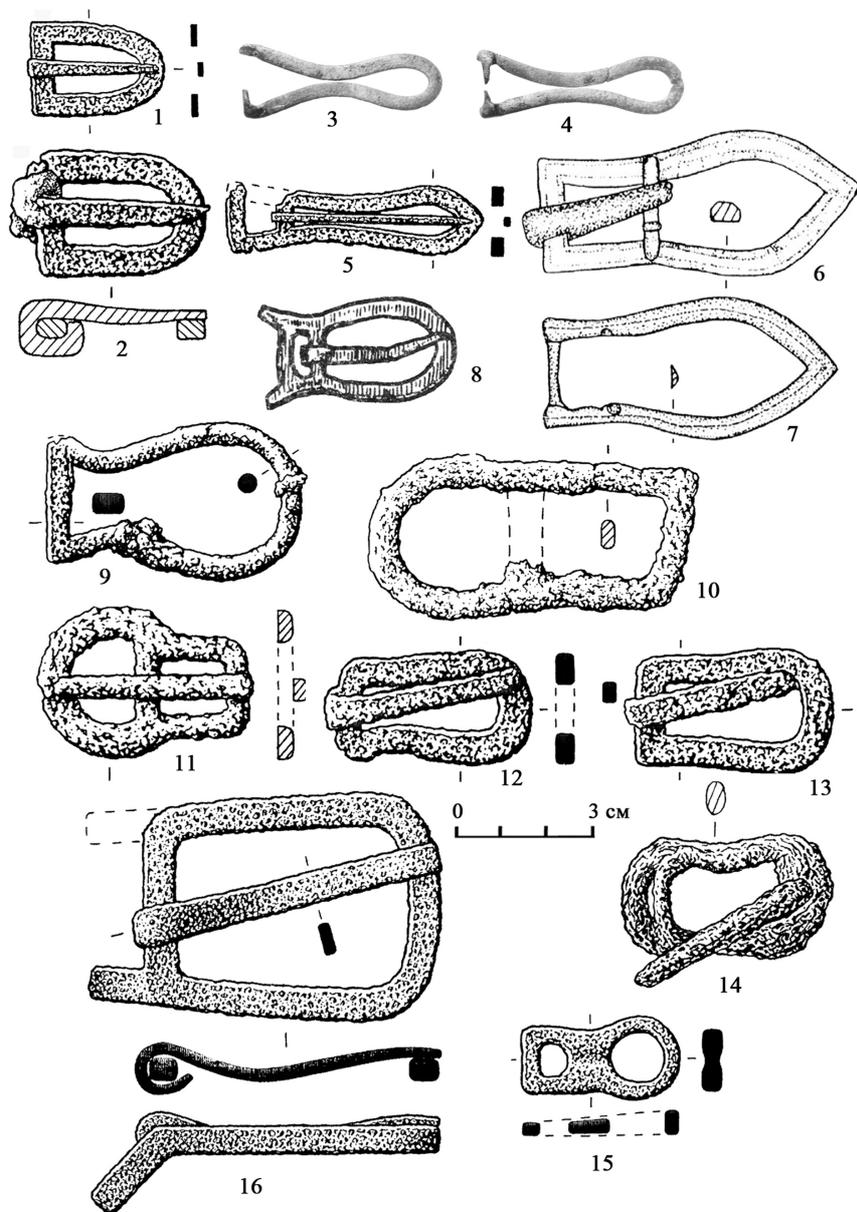

Рис. 1. Пряжки из саргатских погребений Тоболо-Иртышья (1 – по: [Погодин, 1990], 2, 5, 9, 12, 13 – по: [Погодин, 1988], 3, 4 – по: [Могильников, 1968], 10, 11, 14 – по: [Погодин, 1989], 6, 7, 16 – по: [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 7,1,2, 26,4], 8 – по: [Матвеева, 1993, рис. 10,12], 15 – по: [Погодин, 1987]):

1 – Исаковка 1, кург. 12, погр. 4; 2, 5 – Бешчаул 3, кург. 1, погр. 3; 3, 4 – Богдановка 1, кург. 1, погр. 5; 6, 7, 16 – Сидоровка, кург. 1, погр. 2; 8 – Савиновский, кург. 5, погр. 3; 9, 13 – Бешчаул 4, кург. 2, погр. 1А; 10, 11 – Исаковка 1, кург. 6, погр. 10; 12 – Бешчаул 4, кург. 1, погр. 2; 14 – Исаковка 1, кург. 5, погр. 2; 15 – Стрижево 2, кург. 2, погр. 8

Fig. 1. Buckles from the Sargat culture burials in Tobol and Irtysh rivers basin (1 – after: [Pogodin, 1990], 2, 5, 9, 12, 13 – after: [Pogodin, 1988], 3, 4 – after: [Mogil'nikov, 1968], 10, 11, 14 – after: [Pogodin, 1989], 6, 7, 16 – after: [Matyushchenko, Tataurova, 1997, fig. 7,1,2, 26,4], 8 – after: [Matveeva, 1993, fig. 10,12], 15 – after: [Pogodin, 1987]):

1 – Isakovka 1, kurgan 12, burial 4; 2, 5 – Beshchaul 3, kurgan 1, burial 3; 3, 4 – Bogdanovka 1, kurgan 1, burial 5; 6, 7, 16 – Sidorovka, kurgan 1, burial 2; 8 – Savinovskiy, kurgan 5, burial 3; 9, 13 – Beshchaul 4, kurgan 2, burial 1A; 10, 11 – Isakovka 1, kurgan 6, burial 10; 12 – Beshchaul 4, kurgan 1, burial 2; 14 – Isakovka 1, kurgan 5, burial 2; 15 – Strizhevo 2, kurgan 2, burial 8

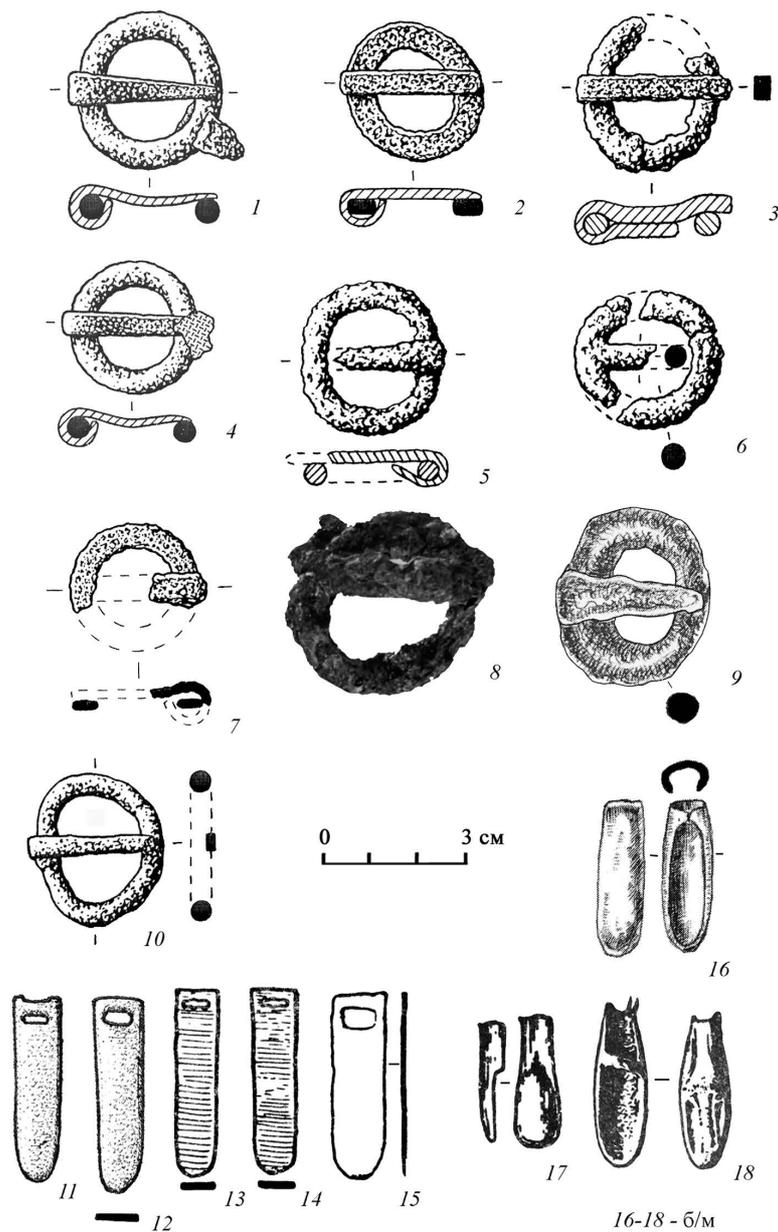

Рис. 2. Пряжки и наконечники ремней из саргатских погребений Тоболо-Иртышья (1, 4, 10 – по: [Погодин, 1988], 2 – по: [Погодин, 1990], 3, 5, 6, 8 – по: [Погодин, 1989], 7 – по: [Погодин, 1987], 9, 16 – по: [Археология СССР ... , 1992, табл. 124,23,27], 11, 12 – по: [Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 28,3,4], 13, 14, 17 – по: [Матвеева, 1993, рис. 10,13,14], 15 – по: [Матвеева, 1994, рис. 30,39], 18 – по: [Матвеева, 1994, рис. 58,21]):

1 – Бешчаул 2, кург. 2, выброс из погр. 2; 2 – Исаковка 1, кург. 12, погр. 4; 3, 6 – Исаковка 1, кург. 7, погр. 1; 4 – Бешчаул 2, кург. 2, погр. 3; 5 – Исаковка 1, кург. 10, погр. 6; 7 – Стрижево 2, кург. 7, погр. 3; 8 – Исаковка 1, кург. 3, погр. 6; 9, 16 – Богдановка 2, кург. А, погр. 8; 10 – Абатский 3, кург. 1, погр. 2; 11, 12 – Гаевский 1, кург. 7, погр. 3; 13, 14, 17 – Савиновский, кург. 5, погр. 3; 15 – Абатский 3, кург. 1, погр. 5; 18 – Абатский 3, кург. 6, погр. 9

Fig. 2. Buckles and belt fittings from the Sargat culture burials in Tobol and Irtysh rivers basin (1, 4, 10 – after: [Pogodin, 1988], 2 – after: [Pogodin, 1990], 3, 5, 6, 8 – after: [Pogodin, 1989], 7 – after: [Pogodin, 1987], 9, 16 – after: [Arkheologiya SSSR ... , 1992, tabl. 124,23,27], 11, 12 – after: [Kul'tura zaural'skikh skotovodov ... , 1997, fig. 28,3,4], 13, 14, 17 – after: [Matveeva, 1993, fig. 10,13,14], 15 – after: [Matveeva, 1994, fig. 30,39], 18 – after: [Matveeva, 1994, fig. 58,21]):

1 – Beshchaul 2, kurgan 2, displaced from burial 2; 2 – Isakovka 1, kurgan 12, burial 4; 3, 6 – Isakovka 1, kurgan 7, burial 1; 4 – Beshchaul 2, kurgan 2, burial 3; 5 – Isakovka 1, kurgan 10, burial 6; 7 – Strizhevo 2, kurgan 7, burial 3; 8 – Isakovka 1, kurgan 3, burial 6; 9, 16 – Bogdanovka 2, kurgan A, burial 8; 10 – Abatskiy 3, kurgan 1, burial 2; 11, 12 – Gaevskiy 1, kurgan 7, burial 3; 13, 14, 17 – Savinovskiy, kurgan 5, burial 3; 15 – Abatskiy 3, kurgan 1, burial 5; 18 – Abatskiy 3, kurgan 6, burial 9

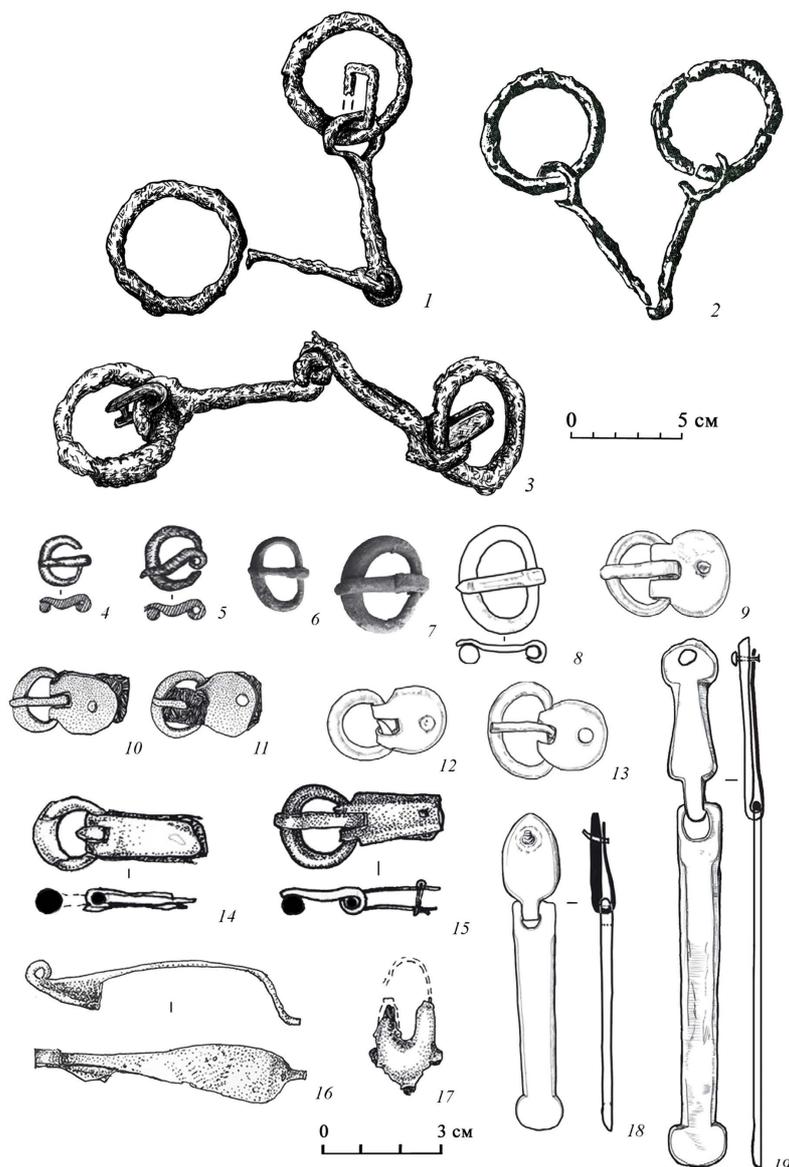

Рис. 3. Находки из саргатских и постсаргатских погребений Тоболо-Иртышья

(1, 3 – по: [Культура зауральских скотоводов ..., 1997, рис. 18,20, 19,21], 2 – по: [Матвеева, 1994, рис. 57,2], 4, 5 – по: [Матвеева, 2016, рис. 26,6,10], 6, 7 – по: [Чикунова, 2017, рис. 4,Б], 8 – по: [Чикунова, 2017, рис. 9,Д], 9, 12, 13, 18, 19 – по: [Чикунова, 2017, рис. 3,В,Л,Н], 10, 11 – по: [Матвеева, 2016, рис. 78,6,7], 14 – по: [Матвеева, 2016, рис. 29,3], 15 – по: [Матвеева, 2016, рис. 44,7], 16 – по: [Матвеева, 2016, рис. 16,18], 17 – по: [Матвеева, 2016, рис. 53,3]):

1 – Гаевский 1, кург. 6, погр. 1; 2 – Абатский 3, кург. 6, погр. 8; 3 – Гаевский 1, кург. 6, погр. 2; 4, 5 – Устюг-1, кург. 28, погр. 3; 6, 7 – Ипкульский, кург. 5, погр. 1; 8 – Ипкульский, кург. 25, погр. 1; 9, 12, 13, 18, 19 – Ипкульский, кург. 4, погр. 3; 10, 11 – селище Дуванское 2, грунтовое погр.; 14 – Устюг-1, кург. 35, погр. 4; 15 – Ревда 5, кург. 9, погр. 11; 16 – Устюг-1, кург. 14, погр. 2; 17 – Ревда 5, кург. 6, погр. 1

Fig. 3. Finds from the Sargat and post-Sargat cultures' periods in the Tobol and Irtysh rivers basin

(1, 3 – after: [Kul'tura zaural'skikh skotovodov ..., 1997, fig. 18,20, 19,21], 2 – after: [Matveeva, 1994, fig. 57,2], 4, 5 – after: [Matveeva, 2016, fig. 26,6,10], 6, 7 – after: [Chikunova, 2017, fig. 4,Б], 8 – after: [Chikunova, 2017, fig. 9,Д], 9, 12, 13, 18, 19 – after: [Chikunova, 2017, fig. 3,В,Л,Н], 10, 11 – after: [Matveeva, 2016, fig. 78,6,7], 14 – after: [Matveeva, 2016, fig. 29,3], 15 – after: [Matveeva, 2016, fig. 44,7], 16 – after: [Matveeva, 2016, fig. 16,18], 17 – after: [Matveeva, 2016, fig. 53,3]):

1 – Gaevskiy 1, kurgan 6, burial 1; 2 – Abatskiy 3, kurgan 6, burial 8; 3 – Gaevskiy 1, kurgan 6, burial 2; 4, 5 – Ustyug-1, kurgan 28, burial 3; 6, 7 – Ipkul'skiy, kurgan 5, burial 1; 8 – Ipkul'skiy, kurgan 25, burial 1; 9, 12, 13, 18, 19 – Ipkul'skiy, kurgan 4, burial 3; 10, 11 – settlement Duvanskoye 2, flat burial; 14 – Ustyug-1, kurgan 35, burial 4; 15 – Revda 5, kurgan 9, burial 11; 16 – Ustyug-1, kurgan 14, burial 2; 17 – Revda 5, kurgan 6, burial 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1987. Подкумский могильник. М. : Наука. 178 с.
- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. 140 с.
- Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992. М. : Наука. 493 с.
- Багашев А. Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 374 с.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I». Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 186 с.
- Глебов В. П., 2009. Раннесарматская культура Нижнего Подонья : дис. ... канд. ист. наук. М. : ИА РАН. 248 с.
- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 240 с.
- Гришаков В. В., Зубов С. Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань : ИИ АН РТ. 173 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М. : ГИМ. С. 71–141.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Давыдова А. В., 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л. : ЛГУ. 111 с.
- Зубов С. Э., Лифанов Н. А., Радюш О. А., 2011. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек. № 1. С. 13–30.
- Зыков А. П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековое и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий. 232 с.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маньча. Ростов н/Д : РГУ. 288 с.
- Керефов Б. М., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик : Эльбрус. С. 136–259.
- Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарпова С. В., 2006. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 187–203.
- Коновалов П. Б., 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 248 с.
- Корякова Л. Н., 1980. Отчет об археологических исследованиях в зоне газопровода Уренгой – Сургут – Челябинск в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7776.
- Корякова Л. Н., 1984. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства и эксплуатации газопровода Уренгой – Челябинск в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9689.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 240 с.
- Корякова Л. Н., 1993. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) : дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. Новосибирск. 72 с.
- Корякова Л. Н., Попова С. М., 1987. К вопросу сравнения саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Башкир. ун-т. С. 37–45.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование, 1997. Екатеринбург : Екатеринбург. 180 с.
- Максименко В. Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Донские древности. Вып. 6. Азов : Азовский краеведческий музей. 304 с.

- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2007. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. № 3. С. 111–120.
- Малашев В. Ю., 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М. : ИА РАН. 301 с.
- Малашев В. Ю., 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г.). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 130–140.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Восточная литература. 365 с.
- Малашев В. Ю., Мошкова М. Г., 2010. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 37–56.
- Малашев В. Ю., Маслов В. Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>
- Мандельштам А. М., 1966. Кочевники на пути в Индию. МИА. № 136. М. ; Л. : Наука. 232 с.
- Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л. : Наука. 228 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : Изд-во КубГУ. 336 с.
- Масякин В. В., 2007. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 125–138.
- Матвеева Н. П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука. 175 с.
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука. 152 с.
- Матвеева Н. П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск : Наука. 400 с.
- Матвеева Н. П., 2016. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов : (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень : Изд-во ТюмГУ. 264 с.
- Матвеева Н. П., 2017. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // Российская археология. № 4. С. 3–20.
- Матвеева Н. П., Дъёни Г., Зеленков А. С., 2021. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего средневековья) // Российская археология. № 2. С. 147–166. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630015374-0>
- Матренин С. С., 2017. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск : СО РАН. 142 с.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука. 198 с.
- Миняев С. С., 1976. Бактрийские латуни в сюннских памятниках Забайкалья // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л. : Наука. С. 109–110.
- Миняев С. С., 2007. Дырестуйский могильник. СПб. : Фил. фак. СПбГУ. 233 с.
- Могильников В. А., 1968. Отчет о работах Иртышского отряда Западносибирской археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 3716, 3716а.
- Могильников В. А., 1977. Отчет об археологических исследованиях в Среднем Прииртышье в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6678.
- Никаноров В. П., Худяков Ю. С., 1999. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. С. 141–154.
- Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Томилин М. А., Балабанова М. А., Пристяжнюк М. С., Журавлев А. А., 2020. К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История.

- Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 17–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>
- Погодин Л. И., Труфанов А. Я., 1991. Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омский ун-т. С. 98–127.
- Погодин Л. И., 1987. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского-II и Стрижевского-III могильников в Нижнеомском районе Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 12374а–в.
- Погодин Л. И., 1988. Отчет об археологических раскопках курганов у д. Бещаул Нижнеомского района Омской области, произведенных Омским государственным университетом в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 13209–13212.
- Погодин Л. И., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 13932–13935.
- Погодин Л. И., 1990. Отчет об археологических исследованиях в Горьковском и Нововаршавском районах Омской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 14928, 14928а.
- Подушкин А. Н., 2015. О назначении предметов дистанционного оружия из катакомб Южного Казахстана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апр. 2014 г.). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 150–152.
- Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 144 с.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Ражев Д. И., 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург : УрО РАН. 492 с.
- Савинов Д. Г., 2009. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК. 226 с.
- Сарианиди В. И., 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. М. : Наука. 240 с.
- Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб. : Петербургское Востоковедение. 240 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев : Наукова думка. 112 с.
- Скрипкин А. С., 2010. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 370 с.
- Слепцова А. В., 2021. Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 163–175. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-13>
- Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1. МИА. № 60. М. : Изд-во АН СССР. С. 206–322.
- Труфанов А. А., 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. № 3. С. 160–170.
- Чикунова И. Ю., 2017. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011 гг.) // АВ ORIGIN : археолого-этнографический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. Вып. 9. С. 79–110.
- Шарапова С. В., 2020. Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 218–246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>
- Шарапова С. В., Пилипенко А. С., Ражев Д. И., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., 2020. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // Stratum Plus. № 3. С. 353–378.
- Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. СПб : Фарн. 324 с.
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type “pontique” de harnachement de l’époque des Grandes Migrations // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L’étude du site. Vol. 2. BAR. International Series S1721. Oxford : Archaeopress. P. 67–72.
- Bennett C. C., Kaestle F. A., 2010. Investigation of Ancient DNA from Western Siberia and the Sargat Culture // Human Biology. Vol. 82 (2). P. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.3378/027.082.0202>

- Kostrzewski J., 1955. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa; Wrocław. 348 s.
- Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR International Series 360. Oxford : British Archaeological Reports. 233 p.
- Matveeva N. P., Zelenkov A. S., 2021. The impact of nomadic culture on the population of Western Siberia in the era of the Huns and ancient Turks // Attila's Europe? Structural transformation and strategies of success in the European Hun period. Budapest : Hungarian National Museum, Eötvös Loránd University. P. 95–111.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1987. *Podkumskiy mogilnik* [Podkumsky Cemetery]. Moscow, Nauka Publ. 182 p.
- Abramova M.P., 1993. *Tsentralnoye Predkavkazye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Time (III Century BC – IV Century AD)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South European Part of the USSR of the II Century BC – IV Century AD]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 141 p.
- Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Archaeology of the USSR. Steppe Belt of Asiatic Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age], 1992. Moscow, Nauka Publ. 493 p.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza* [Paleoanthropology of the Western Siberia: Forest-Steppe During Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 374 p.
- Bespaly E.I., Bepalaya N.E., Raev B.A., 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurganny mogilnik «Valovy I»* [Ancient Population of the Low Don River Basin. Kurgan Cemetery Valovyy I]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 186 p.
- Glebov V.P., 2009. *Rannesarmatskaya kultura Nizhnego Podonjya: dis. ... kand. ist. nauk* [Early Sarmatian Culture in Low Don River Basin. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 248 p.
- Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoj polovine II v. n.e.* [Sarmatians in Volga and Don Rivers Basin During I – First Half of the II Century BC]. Volgograd, VolSU. 240 p.
- Grishakov V.V., Zubov S.E., 2009. *Andreevskiy kurgan v sisteme arkheologicheskikh kultur rannego zheleznogo veka Vostochnoy Evropy* [Andreevskiy Kurgan in a System of Early Iron Age in Eastern Europe]. Kazan, Institute of History AS RT. 173 p.
- Guschina I.I., Zasetkaya I.P., 1989. *Pogrebenia zubovsko-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikubanye (I v. do n.e. – II v. n.e.)* [Burials of the Zubovskiy-Vozdvizhenskiy Types from Excavation of N.I. Veselovskiy in Kuban River Basin (I Century BC – II Century AD)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Investigation in the South of Eastern Europe]. Trudy GIM, iss. 70. Moscow, SHM, pp. 71-141.
- Guschina I.I., Zasetkaya I.P., 1994. *«Zolotoe kladbishche» rimskoy epokhi v Prikubanye* [“Golden Cemetery” of the Roman Time in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Davydova A.V., 1985. *Ivolginsky complex (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykalye* [Ivolginsky Complex (Fortress and Cemetery) – the Hsiung-Nu Site in the Trans-Baikal]. Leningrad, Leningrad SU Publ. 111 p.
- Zubov S.E., Lifanov N.A., Radyush O.A., 2011. *Novye pamyatniki piseralsko-andreevskogo tipa I–III vv. n.e. na territorii Nizhegorodskoy oblasti (predvaritelnoye soobschenie)* [New Sites of the Piseralsko-Andreevskiy Type of the I–III c. AD on the Territory of Nizniy Novgorod Region (Preliminary Results)]. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: World and Man], vol. 1, pp. 13-30.
- Zykov A.P., 2012. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekovoye i novoe vremya* [Barsova Gora: Essays on Archaeology of the Ob' River Basin Nearby Surgut. Middle Ages and Modern Times]. Ekaterinburg, Ural'sky rabochiy Publ. 232 p.
- Ilyukov L.S., Vlaskin M.V., 1992. *Sarmaty mezhdurechya Sala i Manycha* [Sarmatians of the Sal and Manych Rivers Basin]. Rostov-on-Don, RSU. 288 p.
- Kerefov B.M., 1985. *Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni* [Chegem Kurgan-Cemetery of the Sarmatian Time]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological Research at Construction in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], vol. 2. Nalchik, Elbrus Publ., pp. 136-259.

- Kovrigin A.A., Koryakova L.N., Courtaud P., Razhev D.I., Sharapova S.V., 2006. Aristokraticcheskie pogrebeniya iz mogil'nika Karasie 9 [Aristocratic Burials in Karasie 9 Cemetery]. *Yuzny Ural i sopredel'nye territorii v skifosarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [Southern Urals and Outside Territories in Scythian-Sarmatian Ages: Articles to 70 Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 187-203.
- Konovalov P.B., 1976. *Khunnu v Zabaykalye* [Hsiung-Nu in the Trans-Baikal]. Ulan-Ude, Buryat Publ. 248 p.
- Koryakova L.N., 1980. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v zone gazoprovoda Urengoy – Surgut – Chelyabinsk v 1980 g. [Report on Excavation at Gas Pipeline Urengoy – Surgut – Chelyabinsk in 1980]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 7776.
- Koryakova L.N., 1984. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v zone stroitel'stva i ekspluatatsii gazoprovoda Urengoy – Chelyabinsk v 1984 g. [Report on Excavation at Zone of Constructing and Exploitation of Gas Pipeline Urengoy – Chelyabinsk in 1980]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 9689.
- Koryakova L.N., 1988. *Ranny zhelezny vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk, UrSU. 240 p.
- Koryakova L.N., 1993. *Kul'turno-istoricheskie obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya na ranney i sredney stadiyakh zheleznogo veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [Cultural and Historical Entities of the Urals and Western Siberia (Tobol and Irtysh Province During Early and Middle Stages of the Iron Age) Doc. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 72 p.
- Koryakova L.N., Popova S.M., 1987. K voprosy sravneniya sargatskoy i savromato-sarmatskoy kultur [To the Comparison of Sargat and Sauromat-Sarmatians Cultures]. *Ranny zhelezny vek i srednevekoie Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [Early Iron and Middle Ages of the Ural and Irtysh Rivers Basin]. Chelyabinsk, BSU, pp. 37-45.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, Adef-Ukraina Publ. 384 p.
- Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevsky mogil'nik sargatskoy obschnosti : antropologicheskoye issledovanie* [The Culture of Trans-Uralian Cattle and Horse Breeders on the Turn of Erae. The Gayevo Burial Ground of the Sargat Community: Anthropological Research], 1997. Ekaterinburg, Ekaterinburg Publ. 180 p.
- Maksimenko V.E., 1998. *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii)* [Sarmatians of Don River (Archaeology and Problems of Ethnic History)], iss. 6. Azov, Azov Museum of Local Lore. 304 p.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbors on the Don], iss. 1. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2007. Arkheologicheskiye pamyatniki yuzhnouralskikh stepey vtoroy poloviny II – IV v.: pozdnesarmatskaya ili gunno-sarmatskaya kultura (veshchevoy kompleks) [South Ural Archaeological Sites of the Second Half of the 2nd–4th centuries AD: Late Sarmatian Culture or Hun-Sarmatian Culture (Analysis of Finds)]. *Rossiskaya archeologia* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 111-121.
- Malashev V.Yu., 2013. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals During II–III Centuries AD. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 301 p.
- Malashev V.Yu., 2014. Nekotorye aspekty kontaktov nositeley pozdnesarmatskoy kultury yuzhnouralskikh stepey s naseleniem lesnoy i lesostepnoy polosy Povolzhya i Priuralya [Some Aspects of Contacts Between Populations of the Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals and Inhabitants of Forest and Forest-Steppe Area of Volga River Basin and Cis-Urals]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (Ufa, IYAL UNTs RAN, 12–15 maya 2014 g.)* [Sarmatians and Outside World: Proceedings of the VIII Russian (with int. parts) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History” (Ufa, IILL USC RAS, 12–15 May 2014)]. Ufa, IILL USC RAS, pp. 130-140.
- Malashev V.Yu., Yablonsky L.T., 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* [The Steppe Population of the South Urals Area in the Late Sarmatian Time: On the Materials from Pokrovka 10 Cemetery]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 365 p.
- Malashev V.Yu., Moshkova M.G., 2010. Proiskhozhdenie pozdnesarmatskoy kul'tury (k postanovke problemy) [Origin of Late Sarmatian Culture (Formulation of a Problem)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 37-56.
- Malashev V.Yu., Maslov V.E., 2021. Kurgany-kladbishcha tsentralnykh i vostochnykh rayonov Severnogo Kavkaza III v. do n.e. – nachala (pervoy poloviny) II v. n.e. (pamyatniki tipa Chegem-Manaskent) [Kurgan-

- Cemeteries of Central and Eastern Regions of North Caucasus 3rd Century BC – Early 2nd Century AD (Monuments Chegem-Manaskent Type)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 81-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>
- Mandelstam A.M., 1966. *Kochevniki na puti v Indiyu* [Nomads on the Way to India]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 232 p.
- Mandelstam A.M., 1975. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii* [Nomadic Sites of the Kushan Age in Northern Bactria]. Leningrad, Nauka Publ. 228 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki of Kuban (On Materials of Kurgan Burials of Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 336 p.
- Masyakin V.V., 2007. Rimskie fibuly i detail remennoy garnitury iz nekropolya Zavetnoye [Roman Fibulae and Belt Gears from Necropolis Zavetnoye]. *Drevnyaya Tavrica* [Ancient Tauricum], Simferopol, Universum Publ., pp. 125-138.
- Matveeva N.P., 1993. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole* [Sargat Culture at Middle Tobol River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 175 p.
- Matveeva N.P., 1994. *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [Early Iron Age of Ishim River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 152 p.
- Matveeva N.P., 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke* [Social-Economic Structures of the West Siberian Population During Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 400 p.
- Matveeva N.P., 2016. *Zapadnaya Sibir v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: (Problemy kulturogeneza po dannym pogrebalnykh pamyatnikov)* [Western Siberia During Great Folk Migration (Problems of Genesis of Culture Based on Burial Sites Data)]. Tumen, TumSU Publ. 264 p.
- Matveeva N.P., 2017. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoy kul'tury (Zapadnaya Sibir') [Radiocarbon Chronology of Sites of the Sargatka Culture of Western Siberia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 3-20.
- Matveeva N.P., Gyyni G., Zelenkov A.S., 2021. Problemy izucheniya proiskhozhdeniya madiar (po uralo-sibirskim materialam rannego srednevekovia) [The Issues of Studying Magyars Genesis (Based on the Ural-Siberian Materials of the Early Middle Ages)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 147-166. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630015374-0>
- Matrenin S.S., 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Horse Equipment of the Altai Nomads (II Century BC – V Century AD)]. Novosibirsk, SBRAS. 142 p.
- Matyushchenko V.I., Tataurova L.V., 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtyshye* [Sidorovka Cemetery at Irtysh River Basin near Omsk]. Novosibirsk, Nauka Publ. 198 p.
- Minyaev S.S., 1976. Bactriyskie latuni s syunnuskikh pamyatnikakh Zabaykalya [Bactrian Brass in Trans-Baikal Xiongnu Sites]. *Baktriyskie drevnosti. Predvaritelnyye soobscheniya ob arkheologicheskikh rabotakh na yuge Uzbekistana* [Bactrian Antiquities. Preliminary Announcement on Archaeological Sites of the Southern Uzbekistan]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 109-110.
- Minyaev S.S., 2007. *Dyrestuyskiy mogilnik* [Dyrestuy Burial Ground]. Saint Petersburg, SPbU, Faculty of Philology. 233 p.
- Mogil'nikov V.A., 1968. Otchet o rabotakh Irtyshskogo otryada Zapadnosibirskoy ekspeditsii v 1968 g. [Report on Archaeological Excavation of the Irtyshsky Squad of West Siberian Expedition in 1968]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 3716, 3716a.
- Mogil'nikov V.A., 1977. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Srednem Priirtysh'e v 1977 g. [Report on Archaeological Investigations in the Middle Irtysh River Basin in 1977]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 6678.
- Nikanorov V.P., Khudyakov Yu.S., 1999. Izobrazheniya voinov iz Orlatskogo mogilnika [Warrior Images from Orlatsky Cemetery]. *Evrasiya: kulturnoye nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: Cultural Heritage of the Past Civilizations], iss. 2. Novosibirsk, NSU, pp. 141-154.
- Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Balabanova M.A., Pristyazhnyuk M.S., Zhuravlev A.A., 2020. K voprosu o geneticheskom sostave sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (dannye paleogenetiki) [On the Issue of the Samatian Population Genetic Composition in the Lower Volga Region (Paleogenetic Data)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya*.

- Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 17-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>
- Pogodin L.I., Trufanov A. Ya., 1991. Mogilnik sargatskoy kultury Isakovka-III [Isakovka-III Cemetery of the Sargat Culture]. *Drevnie pogrebeniya Ob-Irtyshya* [Ancient Burials in Ob and Irtysh Rivers Basin]. Omsk, OSU, pp. 98-127.
- Pogodin L.I., 1987. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurganov Strizhevskogo-II i Strizhevskogo-III mogilnikov v Nizhneomskom rayone Omskoy oblasti, provedennykh Omskim gosudarstvennym universitetom v 1987 g. [Report on Archaeological Excavation of the Strizhevsky-II and Strizhevsky-III Kurgan Mounds in Nizhneomsky District of Omsk Region, Undertaken by Omsk State University in 1987]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 12374a-b.
- Pogodin L.I., 1988. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurganov u d. Beschaul Nizhneomskogo rayona Omskoy oblasti, provedennykh Omskim gosudarstvennym universitetom v 1988 g. [Report on Archaeological Excavation of the Kurgans Nearby Beschaul Village in Nizhneomskiy District of Omsk Region, Undertaken by Omsk State University in 1988]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 13209-13212.
- Pogodin L.I., 1989. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Nizhneomskom i Gorkovskom rayonakh Omskoy oblasti v 1989 g. [Report on Archaeological Investigations in Nizhneomskiy and Gorkovskiy Districts of Omsk Region in 1989]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 13932-13935.
- Pogodin L.I., 1990. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Gorkovskom i Novovarshavskom rayonakh Omskoy oblasti v 1990 g. [Report on Archaeological Investigations in Gorkovskiy and Novovarshavskiy Districts of Omsk Region in 1990]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 14928, 14928a.
- Podushkin A.N., 2015. O naznachenii predmetov distantsionnogo oruzhiya iz katakomb Yuzhnogo Kazakhstana [About Meaning of the Distant Weaponry from the Katakomb Burials in Southern Kazakhstan]. *Voyna i voennoye delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati A.I. Melyukovoy (Kagal'nik, 26–29 apr. 2014 g.)* [War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World. Proceedings of the International Scientific Conference, Devoted to the Memory of A.I. Melyukova (Kagal'nik, 26–29 April 2014)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 150-152.
- Polosmak N.V., 1987. *Baraba v epokhy rannego zheleza* [Baraba During Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 144 p.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifia II v. do n.e. – III v. n.e. Pograbalnyje pamyatniki* [Scythia in Crimea II C. BC – III C. AD]. Simferopol, Business-Inform Publ. 480 p.
- Razhev D.I., 2009. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obschnosti* [Bioanthropology of the Population of the Sargat Entity]. Ekaterinburg, Urals Branch of RAS. 492 p.
- Savinov D.G., 2009. *Minusinskaya provintsiya khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* [The Minusa Province of Hsiung-Nu (on Materials of Archaeological Investigations in 1984–1989)]. Saint Petersburg, IHMC. 226 p.
- Sarianidi V.I., 1989. *Khram i nekropol Tillyatepe* [Temple and Necropolis of Tillyatepe]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Semenov V.I.A., 2003. *Sunlug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoy kotlovine* [Sunlug-Khem and Khajyrakan – Cemeteries of the Scythian Epoch in Central Tuva Depression]. Saint Petersburg, Petersburgskoe Vostokovedenie Publ. 240 p.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskiye vsadniki severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 328 p.
- Simonenko A.V., Lobay B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e.* [Sarmatians of the North-Western Pontic in I Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 112 p.
- Skripkin A.S., 2010. *Sarmaty i Vostok. Izbrannyye trudy* [Sarmatians and the East. Selected Works]. Volgograd, VolSU. 370 p.
- Sleptsova A.V., 2021. Proiskhozhdenie naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka po dannym odontologii [The Origins of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age According to Odontological Data]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (54), pp. 163-175. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-13>
- Smirnov K.F., 1959. Kurgany u sel Ilovatovka i Politotdelskoye [Kurgans Nearby Ilovatovka i Politotdelskoje Villages]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [Antiquities of the Lower Volga River Basin], vol. I. Materialy i issledovaniya po Arkheologii. Moscow, AS USSR Publ., no. 60, pp. 206-322.

- Trufanov A.A., 2004. Pryazhki rannikh provintsialno-rimskikh form v Severnom Prichernomorie [Plaques of the Early Roman Provinces Shapes in the Black Sea Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 160-170.
- Chikunova I. Yu., 2017. Ipkul'skiy kurganny mogil'nik (resul'taty raskopok 2010–2011 gg.) [Ipkul'sky Burial Ground (Results of the 2010–2011 Excavations)]. *AB ORIGIN: arkheologo-etnographicheskiy sbornik* [AB ORIGIN: Archaeological-Ethnographic Volume]. Tumen', Tumen' State University, iss. 9, pp. 79-110.
- Sharapova S.V., 2020. Verhnyaya hronologicheskaya granitsa sargatskoy kul'tury [Upper Chronological Boundary of Sargatha Culture]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 218-246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>
- Sharapova S.V., Pilipenko A.S., Razhev D.I., Trapezov R.O., Cherdantsev C.S., 2020. Dva muzhskikh pogrebeniya iz kurgana sargatskoy kul'tury: bioarkheologicheskyy i paleogeneticheskyy obzor [Two Male Burials from the Sargat Culture's Burial: Bioarchaeological and Paleogenetic Review]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 353-378.
- Shchukin M.B., 1994. *Na rubezhe er* [On the Turn of Erae]. Saint Petersburg, Farn Publ. 324 p.
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type "pontique" de harnachement de l'époque des Grandes Migration. *Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site*, vol. 2. BAR International Series S1721. Oxford, Archaeopress, pp. 67-72.
- Bennett C.C., Kaestle F.A., 2010. Investigation of Ancient DNA from Western Siberia and the Sargat Culture. *Human Biology*, vol. 82 (2), pp. 143-156. DOI: <https://doi.org/10.3378/027.082.0202>
- Kostrzewski J., 1955. *Wielkopolska w pradziejach*. Warszawa, Wrociaw. 348 s.
- Madyda-Legutko R., 1986. *Die Gürtelschnallen der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford, British Archaeological Reports. 233 p.
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., 2021. The Impact of Nomadic Culture on the Population of Western Siberia in the Era of the Huns and Ancient Turks. *Attila's Europe? Structural Transformation and Strategies of Success in the European Hun Period*. Hungarian National Museum, Eötvös Loránd University, pp. 95-111.

Information About the Authors

Svetlana V. Sharapova, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskaya St, 16, 620990 Ekaterinburg, Russian Federation; Assistant Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Mira St, 19, 620002 Ekaterinburg, Russian Federation, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulianova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторах

Светлана Владимировна Шаропова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург; доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>